

Генри Райдер Хаггард

Голубая портъера

Генри Райдер Хаггард

Голубая портьера

«Public Domain»

Хаггард Г.

Голубая портьера / Г. Хаггард — «Public Domain»,

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Генри Райдер Хаггард Голубая портьера

I

В полку его фамильярно называли Бутылкиным, а почему – толком никто не знал. Однако ходили слухи, что в Харроу он получил это прозвище из-за формы носа. Не то, чтоб нос его очень походил на бутылку, но внушительный и мясистый он изрядно закруглялся на конце. На самом же деле, нашего героя окрестили так еще в детстве. В наше время, если человека наградили прозвищем, обычно за этим стоит следующее: во-первых, он добрый малый, во-вторых – хороший друг. «Бутылкин», иначе говоря Джон Джордж Перитт, служивший в полку, в каком именно для нас не так уж и важно, полностью соответствовал каждому из этих определений, ибо не было на белом свете более добродушного человека и лучшего друга. Красивым его никак нельзя было назвать, разве что мясистый, круглый нос, пара маленьких, светлых глаз под навесом густых бровей и большой, но приятно очерченный рот можно счесть образцом мужской красоты. С другой стороны, мужчина он был видный, осанистый с приятными манерами, хоть и молчун.

Много лет назад Бутылкин влюбился в одну особу и весь полк знал о его всепоглощающем чувстве, которое он и не скрывал. В его прибранном жилище над кроватью висела фотография его единственной избранницы, которая ни у кого не оставляла сомнений относительно его вкусов и пристрастий. Даже эта тусклая фотография давала представление о том, что у мисс Мадлены Спенсер прелестная фигура и очаровательные глаза. Поговаривали, однако, что у нее ни гроша за душой, а поскольку наш герой и сам не метил в Ротшильды, полковые кумушки нередко судачили о том, как же он будет «выкручиваться», когда дело дойдет до брака.

В ту пору их полк квартировался в Марицбурге, но срок заграничной службы истек и все с нетерпением ожидали, когда же их отзовут домой.

Однажды утром Бутылкин поехал на охоту со стаей собак, наспех собранных вместе, которых держали при гарнизоне. Погоня шла успешно, и, проделав галопом семь или восемь миль, они, в конце концов, подстрелили свою жертву – прекрасную антилопу ориби. Такое случалось нечасто, и Бутылкин, привязав добычу к седлу, вернулся домой радостный и гордый, поскольку он был доезжачим в стае. Собак выпустили на рассвете, и было уже около девяти утра, когда он, разгоряченный и усталый, скакал по тенистой стороне широкой и пыльной Черч стрит. В крепости перед зданием правительства выстрелила пушка, возвещая о прибытии почты.

Для него прибытие почты означало одно, а то и все два письма от Мадлены, а может быть, и радостное известие, например, приказ о выходе в море. С сияющей улыбкой он помчался домой, принял ванну и переоделся, а потом отправился завтракать в гарнизонную столовую в предвкушении письма. Но корреспонденция в тот день оказалась весьма обширной, и у него было вдоволь времени, чтобы съесть завтрак. Он сидел на уютной веранде под сенью бамбуков и камелий и курил трубку, пока, наконец, не появился ординарец с почтой. Бутылкин тотчас же удалился в комнату, выходящую на веранду и спокойно встал рядом, не желая выдавать своих чувств, пока офицер сортировал письма. Наконец, ему вручили его конверт, где лежало несколько газет и одно единственное письмо, и он вернулся на веранду слегка разочарованный, поскольку ждал вестей от брата и возлюбленной. Медленно раскурив трубку – он принадлежал к числу тугодумов и медлителей – а ведь известно, что растягивая удовольствие, вы лишь усиливаете его, – он уселся в огромном кресле напротив расцветшей накануне камелии с блестящими глянцевыми лепестками, вынул письмо и начал читать:

«Дорогой Джордж!»

– Боже милостивый! – подумал он про себя, – в чем дело? Она всегда обращалась ко мне «Мой милый Бутылкин!»

«Дорогой Джордж, – снова начал он, – даже не знаю, с чего начать. Слезы застилают глаза, а когда я думаю, что ты читаешь мое письмо в этой жуткой стране, я начинаю рыдать еще сильнее. Слушай же! Лучше сказать все сразу, – потому что отсрочкой делу не поможешь – между нами все кончено, мой дорогой и любимый Бутылкин!»

– Все кончено! – задохнулся он.

«Я не знаю, как поведать тебе эту печальную историю, – читал он дальше, – но если уж рассказывать – то с самого начала. Месяц назад вместе с отцом и теткой я поехала на бал в Афертон и там встретила сэра Альфреда Кростона, джентльмена средних лет, который несколько раз пригласил меня на танец. Я не обратила на него особого внимания, но он был столь обходителен, что, когда мы вернулись домой, моя тетка – ты знаешь ее мерзкий характер – поздравила меня с победой. На следующий день он нанес нам визит, и папа пригласил его к обеду. Он повел меня к столу, а перед тем, как уходить, сказал мне, что собирается остановиться в местной гостинице «Джордж инн», чтобы половить форель в нашем озере. А потом стал приходить каждый день, и когда я выходила погулять, всегда встречал меня и был очень мил и добр. Наконец, однажды он предложил мне выйти за него замуж, а я ужасно рассердилась и сказала, что помолвлена с военным, который служит в Южной Африке. Он рассмеялся и сказал, что Южная Африка далеко, а я с ненавистью посмотрела на него. В тот вечер папа и тетя прямо-таки напали на меня – ты ведь знаешь, они оба не одобряют нашу помолвку, а тут они начали убеждать меня, что наша связь совершенно бессмысленная, что, если я откажу ему, то буду полной идиоткой. Так все и тянулось, поскольку отказа он не принимал, и, наконец, я дала согласие. Они не оставляли меня в покое, и папа умолял меня принять предложение ради него. Отец убедил меня, что этот брак будет удачным и, кажется, я уже помолвлена. Дорогой, дорогой. Джордж, не сердись на меня – это не моя вина, и думаю, мы все равно не могли бы пожениться – у нас ведь так мало денег. Я очень, очень люблю тебя, но я не в силах ничего изменить. Я надеюсь, что ты не забудешь меня и не женишься на другой – по крайней мере не сейчас – одна мысль об этом повергает меня в ужас. Напиши мне и скажи, что ты не забудешь меня и что ты не сердишься. Если хочешь, я верну твои письма. Можешь сжечь и мои – я не возражаю. Прощай, родной мой! Если бы ты только знал, как мне тяжело! Тетушке легко говорить о брачном контракте и брильянтах, но кто мне заменит тебя? Прощай, дорогой мой, я не могу больше писать – голова раскалывается. – Твоя Мадлена Спенсер.»

Когда Джордж Перитт, он же Бутылкин, прочел и перечел это послание, он аккуратно сложил его и в своей обычно спокойной манере опустил в карман. Затем сел и пристально посмотрел на цветы камелии, которые показались ему сейчас блеклыми и туманными, словно их разделяло пятьдесят ярдов, а не несколько шагов.

– Да, это удар, – сказал он себе. – Бедная Мадлена! Как она, должно быть, страдает!

Потом встал и нетвердой походкой, совершенно раздавленный, направился в свое жилище и, взяв лист бумаги, написал следующее письмо:

«Дорогая Мадлена! Я получил твое письмо с вестью о расторжении нашей помолвки. Не хочу говорить о себе, когда ты так страдаешь. Скажу одно: для меня это удар. Я любил тебя столько лет, наверное, с самого раннего детства, и потерять тебя теперь – очень трудно. Я надеялся, что получу должность адъютанта в милицейском полку и мы сможем пожениться. Думаю, мы бы прожили на пятьсот фунтов в год, хотя, возможно, я не в праве ждать, чтобы ты отказалась от комфорта и удовольствий, к которым привыкла, но боюсь, когда человек влюблен, он склонен к эгоизму. Однако все это в прошлом, и без всяких недомолвок скажу: я и помыслить не могу о том, чтобы стоять у тебя на пути. Я слишком люблю тебя, Мадлена, а ты слишком хороша собой и слишком изыскана, чтобы выйти замуж за бедного младшего офи-

цера, которому ничего не светит, кроме его оклада. Верю в то, что ты будешь счастлива. Я не прошу, чтобы ты слишком часто думала обо мне, может быть, в мирном настроении ты иногда вспомнишь своего старого возлюбленного – уверен, что никто не дорожил тобой больше, чем я. Не бойся, что я забуду тебя или женюсь на ком-нибудь. Я не сделаю ни того, ни другого. На этом должен закончить письмо, чтобы успеть отправить его с уходящей почтой. Наверное, все уже сказано. Это тяжкое испытание – очень тяжкое, но нельзя поддаваться унынию и слабости. Меня немного утешает то, что ты «вырастешь в должности», как говорят между собою слуги. Прощай, Мадлена. Храни тебя Бог, – вот моя ежедневная молитва. Джордж Перитт.»

Едва он закончил письмо и торопливо отправил его с уходящей почтой, как раздался зычный голос: «Старина Бутылкин, пойдем ко мне, поговорим, вышел приказ, что мы снимаемся с места через две недели, а затем показался и сам обладатель звонкого голоса, другой младший офицер, закадычный друг нашего героя. «Ты, кажется, ничуть не рад?» – проговорил он сорванным голосом, заметив, что у приятеля удрученный и несколько оцепенелый вид.

– Да нет, ничего особенного. Итак, вы отбываете через две недели?

– Что значит: «вы». Мы все отбываем, все от полковника до барабанщика.

– Наверное, я не поеду, Джек, – последовал уклончивый ответ.

– Послушай, старина, ты с ума сошел или пьян?

– Нет, не думаю, может быть, сошел с ума, но точно не пьян.

– Тогда что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что, короче, я высылаю свои бумаги. Мне нравится здешний климат – короче, я собираюсь стать фермером.

– Высылаешь бумаги! Хочешь стать фермером в этой богом забытой дыре. Ты, наверное, пьян.

– Нет, отнюдь. Сейчас только десять часов.

– А как же твоя свадьба и девушка, с которой ты помолвлен и которую так хотел увидеть?

Она тоже займется фермерством?

Бутылкин вздрогнул.

– Нет, видишь ли, как бы это сказать, одним словом, с этим все кончено. Моя помолвка расторгнута.

– Вот это да! – сказал приятель и неуклюже ретировался.

II

Прошло двенадцать лет, как Бутылкин отправил свои бумаги и много воды утекло с тех пор. Случилось так, что единственный и старший брат нашего героя, благодаря неожиданному развитию чахотки у законных наследников, получил титул баронета и восемь тысяч годового дохода, а сам Бутылкин – скромное, но для него вполне достаточное состояние в восемь сотен фунтов. Когда до него дошла эта весть, он сражался в чине капитана добровольных войск в одной из многочисленных войн в колонии Кейп. Он довоевал эту кампанию, а затем, уступив просьбам брата и собственному естественному желанию побывать на родине после четырнадцатилетнего перерыва, вышел в отставку и вернулся в Англию.

Таким образом, следующее действие этой маленькой драмы разворачивается не на южно-африканских пастбищах и не в свежеекрашенном колониальном доме, а в удобнейших апартаментах сэра Юстаса Перитта – холостого брата нашего героя, проживавшего в Олбани. И вот прежний Бутылкин, только более внушительный, застенчивый и подурневший, с шрамом через всю щеку, полученным от метательного копья, сидит в очень удобном кресле напротив затопленного камина, – на дворе ноябрь. Напротив него расположился его брат – совсем иной экземпляр рода человеческого. С пристальным, участливым любопытством смотрит он на нашего героя сквозь стекла очков. Сэр Юстас Перитт – хорошо сохранившийся джентльмен неопределенного возраста от тридцати до пятидесяти. Выглядит он истинным лондонцем. Глаза горят, фигура поражает такой выправкой, что ему вполне можно дать тридцать лет. Но при более близком знакомстве, оценив его превосходное знание жизни и добродушный, но глубочайший цинизм, которым насквозь пропитана его речь, точно так же, как запахом лимона бывает пропитан ромовый пунш, вы бы отодвинули день его рождения на много лет назад. На самом же деле – ему ровно сорок – ни больше, ни меньше, при этом он одновременно сохранил молодежь вид и приобрел зрелость и опыт, благоразумно воспользовавшись всеми возможностями, которые выпали ему в жизни.

– Мой дорогой Джордж, – сказал сэр Юстас, обращаясь к брату, – он был полон решимости похоронить, наконец, через столько лет эту ненавистную кличку «Бутылкин».

– Давненько не испытывал я такой радости.

– Какой радости?

– Видеть тебя – какой же еще? Когда ты показался на корабле, я сразу же узнал тебя. Ты совсем не изменился, разве что потолстел.

– Ты тоже, Юстас, разве что похудел. Объем талии у тебя уменьшился.

– Ах, Джордж, когда-то я любил пиво – одно из моих многочисленных заблуждений. В сущности, за свою долгую жизнь я понял, что почти все в ней было заблуждением и суетой сует.

– Кроме самой жизни, да?

– Вот именно. У меня нет ни малейшего желания последовать примеру наших злосчастных кузенов, – со вздохом ответил он, – чьими стараниями, однако, мы обязаны нашему поправившемуся финансовому положению, – добавил он, просветлев.

В комнате воцарилось молчание.

– Четырнадцать лет – долгий срок, правда, Джордж, ты, наверное, немало повидал за эти годы?

– Это уж точно. А сколько людей поживились за казенный счет в армии.

– Но сам-то ты, конечно, держался в стороне?

– Да, на хлеб насущный мне хватало, а большего я и не заслужил.

Сэр Юстас подозрительно посмотрел на брата сквозь стекла очков. «Ты слишком скромн, – проговорил он. – Так не годится. Если хочешь преуспеть, нужно быть о себе более высокого мнения.»

– Но я не хочу преуспеть. Меня вполне устраивает мой заработок, а скромн я от того, что видел множество более достойных людей.

– Но теперь тебе не надо думать о заработке. Что ты собираешься делать? Будешь жить в городе? Я могу тебя ввести в самое лучшее общество. Будешь настоящим светским львом с этим шрамом на щеке, – кстати, ты должен рассказать, откуда он у тебя? А потом, ты знаешь, если со мной что случится, ты унаследуешь титул и поместье. Вполне достаточно, чтобы поддерживать тебя.

Бутылкин неловко заерзал в кресле.

– Спасибо тебе, Юстас, но знаешь ли, мне не нужно, чтобы меня поддерживали, ничего мне не нужно. Я бы скорее вернулся в Южную Африку, в полк. Да, да. Я не переносу чужих людей, высшее общество и все такое. Я не их поля ягода, в отличие от тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.